

Скажу сразу – это очень хорошая книга, хотя издана неважно – как-то лениво и равнодушно: так раньше делали книги затурканные редакторы: «Всё же, мол, правильно, без промашек, а чего ещё надо?!» Но автор не зря назвал её «Роман с жизнью»: это действительно своего рода роман Хемингуэя с его жизнью, – но это и произведение Игоря Михайлова, выстроенное как роман, хотя и абсолютно документальный. И можно же было его как-то поинтереснее сверстать: ведь сейчас такое обилие разных гарнитур и всяких прочих возможностей, и так легко ими пользоваться при офсетной печати – не то что раньше, когда отливали свинцовые строчки... Странно это – тем более в «Худлите». И если не из уважения к автору, то хотя бы из почтения к Хемингуэю можно было чуть-чуть постараться?! Или современным редакторам имя Хемингуэя ничего не говорит?..

А ведь это была такая веха в нашей жизни – и не только литературной: не было, кажется, дома с мало-мальски интеллигентской обстановкой, в котором не висел бы на стене его знаменитый портрет с бородой и в свитере.

Мы, русские, – народ, как известно, литературный (были, по крайней мере) ещё со времён Пушкина и Гоголя, и даже раньше. Тому много причин, и одна из них, может быть, самая главная: при любой цензуре – уважительное отношение власть имущих к «изящной совести». Чтение никогда не было у нас пустым занятием – даже наоборот: у нас и цари читали, и Ленин, и Сталин... А Хрущёв и Брежнев уже книг не читали или совсем мало и в молодости. А зря! Потому что идеологические чиновники, которым они отдали всё на откуп, уже с большей долей цинизма, довели всё до полного абсурда – и загубили идею, а она была не так уж плоха: на основе классической литературы, русской и зарубежной,

вырастить советскую – и на ней воспитывать советских людей. Ведь что было бы с миллионами таких, как я, допустим. Я, живший в детстве на маленьком разъезде в Кемеровской области, с маленькой школой на двадцать учеников, но с библиотекой, школьной или принадлежавшей учительнице, всеми уважаемой Софье Петровне, которая была у нас всем, ибо всё крутилось вокруг школы (которую, кстати, построили году в сорок восьмом или девятом: война совсем недавно кончилась... У отца моего ещё свещ не зажил и постоянно сочился там, где было плечо, которое ему отрезали вместе с рукой, раздробленной автоматной очередью... Хлеба белого почти не видели, сахара – по маленькому кусочку к чаю... Но школу построили – уютную, удобную, с верандой, раздевалкой, пионерской комнатой и тёплыми туалетами – простыми, без всяких унитазов, но с проходом из школьного коридора, из которого, с другой стороны, был и вход в учительскую квартиру, пристроенную прямо к школе – так что, когда было уж очень холодно и школьные печи не справлялись, Софья Петровна уводила нас к себе, рассаживала два класса в разных комнатах, а после занятий поила нас чаем с белым хлебом, который у неё водился чаще, чем у нас всех. В наши занятия входила и подготовка концертов ко всем праздникам, на которые стекалось всё население разъезда – посмотреть на своих маленьких артистов, поскольку все мы там были задействованы: пели, танцевали, читали стихи и прочее).

129

Но это праздники. А в будни, особенно долгими зимними вечерами, взрослые и дети собирались у кого-нибудь, в том числе и у нас, и при свете керосиновой лампы читали книги вслух. (Электричества на разъезде не было, и радиоприёмник батарейный один – в бригадирской, где я слушал его только один раз, когда хоронили Сталина.)

К чему и почему уя всё это говорю? А к тому, что благодаря всему этому у Хемингуэя, когда он стал печататься у нас, оказалось много миллионов читателей и почитателей. И ему было приятно об этом услышать от Микояна, который также сообщил, что ему будет выплачено за все издания сто тысяч долларов гонорара – огромные деньги по тем временам, от которых Хемингуэй отказался.

Конечно, Хемингуэю у нас повезло: он смолodu был ярим противником фашизма да и с американской системой не очень ладил (по причинам, о которых подробно и достоверно рассказано И. Михайловым), – и это сближало его с нашей идеологической линией.

Но тех миллионов читателей Хемингуэя у нас, к сожалению, уже нет: ведь у него был подготовленный, квалифицированный, я бы сказал, читатель... И он-то в любом случае дознался бы, что вышла такая вот книга И. Михайлова о Хемингуэе и, как лет

тридцать назад, вмиг расхвтал бы её, даже не заметив каких-то издательских недочетов.

Сейчас во всём, и в этом тоже, принято винить проклятых демократов с их лживыми разрушительными реформами. Но это несправедливо: они только докончили то, что началось, когда они ещё были октябрятами и с растерянным изумлением смотрели, как их старшие товарищи, пионеры, зарисовывали портреты товарища Сталина в разных учебниках и книжках. Тогда как раз правил тоже очень решительный реформатор, который, в отличие от Сталина, книг не читал и совсем не думал о том, что, уничтожая деревню в нашей всё ещё крестьянской стране, он наносит вред пострашнее сталинской коллективизации: какие-то учёные болваны, из тех, что гнобили и угробили Чаянова и Вавилова, подкинули ему идею укрупнения сёл и создания агрогородов. А чтобы не выгонять людей из своих домов прикладами и пинками, начали закрывать так называемые малокомплектные школы – вроде нашей разъездинской: семилетки превращать в четырёхлетки, чтобы их потом закрыть, десятилетки – в семилетки с той же перспективой... И люди поняли, и тронулись с насиженных мест... но не в села покрупнее и мелкие города, как наметили партия и правительство, а в города настоящие, большие, решая попутно и всякие другие проблемы, кроме школьных. А кто не мог этого сделать по каким-то причинам или просто упорствовал, должны были отправлять своих детей в школу всё дальше и дальше или вовсе оставлять дома, тем более, что в колхозе всегда было много всякой работы для недоученных подростков, с малых лет привыкших к разному труду.

Но и учителям тоже пришлось решать вопрос: уезжать или оставаться доживать в своём доме – уже вне профессии, престиж которой стал быстро падать, и в педвузы пошли уже не затем, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное», а либо за «корочками» о высшем образовании, либо от безвыходности, не имея шансов поступить в более престижный вуз, то есть в педвузы пошли троечники, в том числе и городские. (Помню, году в семьдесят шестом мы на Челябинском телевидении готовили передачу о студентах и поинтересовались, что же читают будущие учителя русской словесности? Оказалось, ничего, кроме хрестоматий, за редким исключением.)

Уезжая на Алтай из-за болезни матери, мы считывали на имеющуюся в её родной деревне семилетку... Но её как раз закрыли, и мне пришлось сразу уехать в соседнюю деревню... Через год и там закрыли, и пришлось ехать в другую, а потом третью – уже за двадцать с лишним километров... И когда родители решили покончить с этим и забрать меня оттуда (с семью классами образования), мне пришлось побороться, пригрозить, что поеду в рай-

оно и попрошусь в детдом, потому что хочу учиться, а родители не пускают.

Кто заложил во мне эту любовь к учёбе и школе? Мой полуграмотный отец, читавший по слогам и с трудом выводивший буквы левой рукой... или мать, ни одного дня не ходившая в школу и не умевшая даже расписаться?! Нет! Этому я обязан моей маленькой школе на разъезде 79-й километр. И моей первой учительнице... Хотя не только: много было таких учителей из той породы: в пятом классе, например, учительница математики вела и уроки пения – приходила со скрипкой, играла нам и рассказывала о музыке (и это в деревне за сто с лишним километров от железной дороги!).

Кто-то сказал, что Германскую империю создал школьный учитель... А ведь и нашу Советскую тоже!

«Сталинист!» – обвинят меня либералы из бывших преподавателей научного коммунизма, умевших всегда держать хвост по ветру.

«Увы, ребята, нет!» – скажу я твёрдо... И это правда!.. Моего кемеровского деда (по отцу) арестовали и сгноили где-то на социалистических стройках, а другого, алтайского, раскулачили и выслали с семьёй, и только благодаря известному случаю послабления вернули с полдороги и назначили конюхом, позволили жить в своей бывшей усадьбе, ставшей колхозным конным двором... Да и на разъезде мы оказались не по своей воле, так как нас выслали из Кемерово по какой-то статье – за то, что мой однорукий отец продавал на базаре резиновые галоши, которые делали из негодных автомобильных камер одноногие и безногие инвалиды.

Так что портрет Сталина на лобовом стекле своей машины я не выставлю даже назло Сванидзе. Но историю не исправить, и приходится с этим жить, опираясь на то хорошее, что в ней всё-таки было.

Хемингуэй хотел побывать в нашей стране, но не сложилось. Как человек умный и честный, он наверняка понял бы всё про нас, хотя и так многое понимал из общения с нашими в Испании, и эта неоднозначность, такая двойственность нашей жизни, может быть, даже настораживала его, несмотря на то, что у него тут были миллионы читателей.

Чем же он оказался так интересен и близок нам – этот парень, который так честно и открыто смотрит на нас с передней крышки переплёта книги И. Михайлова? Наверное, таким когда-то лучшие люди Америки хотели бы видеть всех американских парней, готовых бороться за идеалы справедливости там, где они нагло попирались чьей-то злой волей. Стопроцентный американец по происхождению и воспитанию, он мало жил в Америке и был, в сущности, гражданином мира. Имея возможность посмотреть на свою родину и другие страны как бы со стороны, он видел в них и хорошее, и плохое. «Это особенность Хемингуэя, – говорит И. Михайлов, –

его ощущение гражданина мира и позволяет ему создавать произведения, которые заставляют сопереживать и понятны людям многих стран и континентов». Хотя мне вообще кажется, что вот это ощущение гражданина мира (из-за особенностей формирования нации) есть почти в каждом американце, даже если он живёт в каком-нибудь заштатном городишке, путает Австрию с Австралией, Иран с Ираком. Но сначала патриот Америки, разумеется. (Мы, как известно, во многом похожи на американцев – и в этом, я думаю, тоже: только у большинства из нас никогда не было ни средств, ни возможностей, будучи патриотами России, жить и быть гражданами мира. А тем немногим, у кого есть такие средства и возможности, дела нет ни до кого и ни до чего, кроме денег.)

Для Хемингуэя весь мир был его большим домом, а все народы – его семьёй, за которые он не просто болел и переживал, а тотчас стремился туда, где зло и несправедливость брали верх, чтобы противостоять этому. И Михайлов приводит строки из письма Ивану Кашкину, переводчику Хемингуэя: «Жить в действии для меня много легче, чем писать... <...> Но когда пишешь, никогда не удаётся написать так, как хотелось бы...»

Но для Хемингуэя писать хорошо – это, прежде всего, писать честно, а уж потом разные стилиевые изыски, которыми баловались тогда многие в его окружении. То есть он писал, как жил... а жил он честно, открыто и смело: не боялся ни людей, ни зверей... ни фашистов, ни своих фэбээровцев, державших его на учёте как не совсем благонадёжного американца (о чём свидетельствуют документы, приведённые в книге И. Михайлова). И проявлялось это во всём, на каждом шагу, в каждый момент его жизни: чего стоит случай, когда Хемингуэй, увидев бесчестный бой, выскочил на ринг и врзал по морде одному из бойцов – амбалу, поставленному в заведомо выигрышное положение. И это поступок!

У меня в юности был период страшного разочарования в художественной литературе, когда я осознал вдруг, что всё это выдуманно, неправда (не понимал ещё, что бывает художественная правда). А позже, когда уже сам пописывал, не любил пишущих от первого лица – как бы о себе любимом. Хемингуэй же как раз многое писал, что называется, «с себя» и был узнаваем под любыми именами. Но тут было что-то особенное, вызывающее полное доверие, и это особенное – личность писателя: ему нельзя было не верить именно потому, что он, повторяю, писал, как жил, и жил, как писал. Именно через него я осознал, что писатель – это, прежде всего, человек: его жизнь, его характер, его моральные принципы и понятия о совести и чести.

Теперь это вообще неважно... нигде – и в литературе тоже... Вот увидел как-то писательницу

Татьяну Устинову в телевизоре: она поучала какую-то женщину, как без проблем и скандалов летать на самолёте с ребёнком, на которого не полагается билета. «Я, – говорит писательница, – просто покупаю на ребёнка второй билет – и никаких проблем».

«Действительно просто, – подумал я, – но, может, у этой женщины просто нет денег на второй билет: я знаю многих таких людей, которые именно поэтому не могли полететь на похороны своих близких: страна-то у нас большая, а билеты – ого-го!» У меня племянница в Алтайском крае работала в СПТУ комендантом общежития за три тысячи рублей (но и тех уже нет, так как училище закрыли), и на мои похороны она уж точно не сможет прилететь... (Хотя, конечно, правильно кто-то решил: зачем в Угловском районе сельское профтехучилище, если поля вокруг, на которых когда-то росла пшеница, кукуруза, подсолнухи, уже давно поросли сосёнками выше моего роста).

И вот, решил я посмотреть как-нибудь, что же пишет наша умная и чуткая Таня – член каких-то советов где-то наверху, около самого президента... «Людишков поучает в кинохрониках...» – как сказал бы Высоцкий. И вообще я не читал никогда такого рода литературу: надо же когда-то...

А у нас в подъезде кто-то регулярно покупает её, читает, надо полагать, и потом выкладывает на подоконнике возле мусоропровода – не выбрасывает: вдруг кому понадобится.

131

Я попросил Устинову – и жена принесла мне одну очень прилично изданную книгу, такую в мусоропровод – жалко. «Гений пустого места» – название, и под ним снизу вверх, красным по чёрному: «Первая из лучших». Вот и хорошо, думаю, сразу и определяюсь, чтоб других уже не читать.

Открываю наугад, листаю, читаю: «Сквер был совершенно темен и оттого похож на Шервудский лес...» Ага, думаю, это, наверно, в Англии... Что ж, они теперь все там пасутся... Но вдруг выше: «...памятник Циолковскому в серой морозной дымке... городок – столичный пригород... общежитие и комендантша баба Вера... в пуховом платке, завязанном крест накрест – выглянула из-за фанерной перегородки. «Хто там? – спрашивает... а потом говорит: «Куды», «Чегой-то», «Мене»... про Гоголя глупость какую-то думает и прочее».

Но коменданты (и комендантши) общежитий не спят за фанерной перегородкой, и эта фанерная бабушка, скорее всего, вахтёрша (уж я-то пожил в общежитиях – знаю), а «фанерная» она потому, что всё тут, в общем, фанерное – и мысли, и чувства, и всё прочее... И это «первая среди лучших»? Что же остальные?... Но ведь покупают, читают, и тиражи – будь здоров!.. А почему?! Чёрт его знает! Знал бы – насочинял таких штук двадцать... всё-таки у меня побольше профессионального опыта (талант не об-

суждается, это всегда дело спорное) и ездил бы к себе на родину, в Сибирь, не в плацкартном вагоне безфирменного поезда, а закупал бы три места в самолёте – и сам посередине, чтобы никто не мешал ни справа, ни слева... И заседал бы как живой классик в какой-нибудь общественной палате – около президента и премьера... не вылезал бы из телевизора и поучал великий и глупый русский народ правильно летать и ездить по нашей огромной стране – с тремя тысячами рублей месячной зарплаты...

Но я увлёкся – размечтался... И, возвращаясь к замечательной книге И. Михайлова, хочу оспорить только одно его утверждение: что «интерес к творчеству и судьбе Э. Хемингуэя продолжает расти и сегодня...» Не похоже! Дай Бог, чтобы об этой книге узнали хотя бы те оставшиеся бывшие советские читатели (а их ещё много по стране, доживающих свой невеселый век, но сохранивших, как первую любовь, те давние чувства и переживания, которые они испытывали, общаясь с творчеством такого удивительного человека и писателя, как Эрнест Хемингуэй... Но как они узнают? Критики нет, а книжные обзоры в телевизоре исключительно для своих и вокруг своей тусовки... Но даже и узнают... как её заполучить, допустим, в Новосибирске, Красноярске или во Владивостоке (о Камчатке можно и не вспоминать). А ведь у нас был «Книготорг» – лучшая в мире система распространения, которая доставляла книгу в самые отдалённые уголки нашей огромной страны. Но об этом заботилось государство, которое не считало книги товаром, как ботинки, допустим, хотя и зарабатывало на них больше, чем на ботинках.

Сергей Довлатов когда-то написал: «...заметил... что упадок гораздо стремительнее прогресса. Мало того, прогресс имеет границы, упадок же беспределен». (Это он о советской литературе, которую не уважал по известным причинам.) А теперь мы все уже «заметили», что цензуры нет, того идеологического контроля (подчас идиотского) нет... но и литературы нет, а хорошие книги, которые все же появляются, выходят очень малыми тиражами – и никто о них не знает, а если и узнает, не сможет купить (по причине, о которой я уже говорил).

Но, слава богу, что они всё-таки есть, эти книги, в том числе и книга И. Михайлова о Хемингуэе... И

если верить, что история и жизнь вообще развиваются по спирали, то придёт время, когда вспомнят об этих книгах, будут читать их, изучать и удивляться, как они могли появиться у нас в такое межумочное время. А с тем и вспомнят, и вернут многих задвинутых в полузабытьё, а подчас и оболганных нынешними властителями умов писателей, в том числе и Хемингуэя, якобы сотрудничавшего с КГБ (по версии двух американцев и одного нашего предателя и перебежчика из этого самого КГБ).

Казалось бы, как можно верить предателям? (И всем этим героям, сжигавшим свои партбилеты перед телекамерами!?) Ведь ещё древние говорили: «Единожды солгавший, кто тебе поверит?» Но верили, в массе своей... Да так, что легко отказались не только от своих идолов, но и от идеалов – и разменяли великую страну на импортную просроченную колбасу, будто мы голодали сильнее, чем жители блокадного Ленинграда.

Нет, мы не голодали – просто мы не хотели ждать: желали всего и сразу! И ради этого забыли все понятия о чести и совести – предали целые страны (Кубу, например, так горячо любимую Хемингуэем) и вообще всех друзей, которых ещё оставалось много по всему миру, которых стали гнобить и травить теперь уже предавшие нас бывшие номенклатурные соратники и лакеи... И такие люди и писатели, как Хемингуэй, с их понятиями о чести и справедливости стали не нужны, ибо казались странными и наивными романтиками, время которых прошло навсегда.

Но будем надеяться, что это не так: ведь и Михайлов говорит о «новых поколениях читателей, которые хотя и (может быть, правильнее – захотят) больше узнать об этом замечательном писателе и человеке. И тут я с ним согласен!

А пока – прости нас, Эрнест Кларенсович!.. Прости и прощай: нынешнее новое поколение, плотно занятое своим собственным благополучием, вряд ли уже встретится с тобой... Ну, разве что в ином мире, когда сами там окажутся, да и то не признают за писателя: в твоём любимом толстом свитере на голое тело да с бородой – примут за бомжа.

г. п. Карабаново Владимирской области

